

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
Общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
Издательское республиканское унитарное предприятие «Мастацкая літаратура»

Главный редактор
Наталия Николаевна КОСТЮЧЕНКО

Редакционная коллегия:

Владимир Андриевич, Алесь Бадак,
Виктор Васильев, Мария Воинова-Стреха, Вадим Гигин,
Александр Коваленя, Тамара Краснова-Гусаченко,
Михаил Поздняков, Елена Попова (председатель),
Олег Пушкин, Николай Чергинец,
Наталья Шарангович, Виктор Шнип

Адрес редакции

Юридический адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: mail@mastlit.by

Почтовый адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: nemanmag@gmail.com
Телефон: 270-84-65

Подписные индексы:

74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 11 от 19.07.2021,
выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель

Издательское республиканское унитарное предприятие «Мастацкая літаратура»

Технический редактор, компьютерная верстка, дизайн: Н. А. Артёмова
Стильредактор: О. В. Козлова

Подписано в печать 06.02.2024. Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 9,56. Тираж 575. Заказ

ОАО «Брестская типография».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 2/59 от 19.03.2014.
Пр. Машерова, 75 Б, 224013, Брест.

К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

© Министерство информации Республики Беларусь, 2024
© ОО «Союз писателей Беларуси», 2024
© УП «Мастацкая літаратура», 2024

Владимир МОЗГО

И СНОВА РОДИТСЯ ДЕНЬ...

ВЗРОСЛЕНИЕ

Мы бегали на танцы,
Смешные подшиванцы.

Плясали, били пятки
На старой танцплощадке.

Гремел там, мама миа,
Наш легендарный ВИА.

Не место тут халяве —
Не хуже, чем Мулявин

Пел Казакевич. Диво! —
Какие переливы!

А вечером чудесным
Звучали наши песни,

Даря миллион усмешек
От Зельвы до Бережек.

Мелодий переливы
Доныне в сердце живы.

Плясали мы и пели —
И с песнями выросли.

Михась БАШЛАКОВ

СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА

Ora et labora¹

С годами все чаще начинаешь задумываться над смыслом жизни, над тем, что успел и что не сделал, размышлять, анализировать или просвечивать минувшие дни лучами совести, искренности. За некоторые поступки становится стыдно и досадно, а что-то, наоборот, вызывает чувство самоуважения. А поскольку у писателя с годами вырабатывается более обостренное чувство ответственности перед словом и временем, анализ прожитого и пережитого выливается в дневниковые записи.

Писать стихи каждый день просто невозможно, ибо написанные без должного чувства, настроения, без музыки и мощной энергетики не будут поэзией, а обычным стихосложением... Записать же некоторые мысли или впечатления от прочитанного, увиденного, сделанного — для этого и существуют дневниковые записи, которые потом могут стать книгой...

Естественно, не каждая запись достойна внимания читателя, а только самое интересное, важное, самое существенное... Полистав свои дневниковые записи (а я начал их вести более-менее постоянно только в 2015 году), пришел к выводу, что некоторые рассуждения, мысли, чувства и эмоции могут быть интересны и для читателя.

Надеюсь, что, как и в моих стихах, равнодушных и откровенных, в этих дневниковых записях так же щемит и трепещет моя душа от горечи и боли из-за несправедливости, которая, к сожалению, встречается в нашей жизни достаточно часто... Но без надежды поэта не бывает. Поэтому и пишутся книги, чтобы помочь человеку стать лучше в своих чувствах и помыслах, устремлениях и ожиданиях, ежедневных хлопотах и заботах...

1999 год

5 февраля, пятница. Сколько раз ловил себя на мысли, когда хотелось что-то записать прозой, что это не совсем важно, и откладывал на потом, на более благоприятное время. А благоприятного времени просто не бывает...

¹ Молись и трудись (лат.).

Лариса КАЛУЖЕНИНА

НИЩИЙ

Рассказ

Проехала Снегурочка на тракторе, в голубой шубке со звездами, сама управляла машиной, и публика по обеим сторонам площади оживилась. И тотчас вслед за ней прогремел по замерзшим плитам отряд конников, в странных каких-то свитках, с пиками в руках. Малышка, отцова любимая пятилетняя Лидочка, не только что целого конного отряда, но и одной живой лошадки в жизни не видевшая, во все глаза уставилась на необычную кавалькаду. Но всадники протрусили бодро и в хорошем темпе, а вслед за ними возникла огромная конфета, которую везли на открытой платформе. На картонном боку сладости красовалось имя известной конфетной фабрики. Городские предприятия шли новогодним маршем по главной площади страны. В конце парада веселой колонной прошеествовали деды морозы и снегурочки. Им хлопали, но больше все-таки снимали на видео и не хотели расходиться, хотя последний Дед Мороз уже скрылся из виду где-то в районе Главпочтамта.

Денис посмотрел на дочь. Лидочка стояла, держась за руку матери, еще не веря, что все закончилось, все еще ожидая новых чудес.

— Пошли, — сказал Денис жене. — Холодно, еще простудим Зайца — так он называл любимую свою дочку. Старший сын его, от первой жены, был совсем взрослый, жил на отлете, отдельно. Второй же счастливой его семьей был он сам, Денис Пирогов, доцент кафедры лексикологии, жена Юлия, бывшая его студентка, и пятилетнее их чудо, малышка Лидочка.

Огни у входа в католический собор здесь же, на площади, светились приветливо. Решили зайти туда погреться, посмотреть. Был католический Сочельник, и все скамьи в костеле были заняты. Люди толпились в притворе, стояли в проходах. Приглушенный шум толпы прихожан и таких же, как они, случайных посетителей наполнял все огромное пространство костела.

Очень скоро началась рождественская служба в честь вифлеемских пастухов, первыми из людей узнавших о рождении Христа. Сразу же по обеим сторонам, высоко на стенах, возникли два огромных экрана со словами рождественских гимнов на польском языке. В обычные дни, Пирогов слышал, службы здесь шли на белорусском. Он огляделся по сторонам. Люди пели молитвы, но видно было, не все уверенно выговаривают слова, многие польского не знают.

Алексей БАРАНОВ

Я В БЕЛОЙ РУБАШКЕ...

* * *

Тихий вечер лег на плечи
прожитого дня.
Я доволен, я спокоен —
Ты ведешь меня.

Мне глаза рукой закроет
пламенный закат,
звезды, словно бриллианты
в тысячу карат.

Вдох и выдох. Просыпаюсь.
Ночь уходит в тень.
Мне навстречу, улыбаясь,
новый льется день.

* * *

Я начинаю взвешивать слова.
Одни — как мыла пузыри пустые,
Другие — как патроны холостые,
А третьи — греют, как в печи дрова.
Я начинаю взвешивать слова.

Я начинаю взвешивать слова.
Одни — порхают радиоволной,
Другие — отделят друзей стеной,
А третьи — как молитва в небеса.
Я начинаю взвешивать слова.

Вячеслав РЕМЕНЧИК

САВОСЬКА¹

Повесть

Памяти моего деда
Макулова Василия Федоровича

Письмо

— Кто-нибудь знает, где моя шариковая ручка? Такая синенькая, без колпачка? Там еще кончик обгрызен. Хм, странно, всегда лежала на этажерке...

Дядя Леша растерянно бродит по дому, водит взглядом по подоконникам, только что вымытому бабушкой полу, заглядывает в угол за полотняным шкафом, шарит рукой в серванте, наконец — под лежащей на обеденном столе дедушкиной «Красной звездой», открытой на недельной программе телепередач. С подозрением посматривает на отца (моего деда), греющего спину у печи и с вождением читающего свежий номер «Звездочки» (на газете значится дата: 16 марта 1973 года). Дед и ухом не ведет: он не брал шариковую ручку. Да и зачем она ему? Он же не разгадывает кроссворды, как дядя Леша, или попросту Леха — так зовет его вся наша семья. На всякий случай он проверяет в старом футляре для очков наличие химического карандаша, которым отмечает любимые кинофильмы и познавательные передачи в газетной телепрограмме. Остро отточенный карандаш в целехоньком состоянии покоится там, где определил ему место его педантичный в таких делах владелец.

— Может, на работе забыл? — слышен бабушкин голос из столовой.

Леха не отвечает, он лежит животом на полу и, подсвечивая себе фонариком, в поисках исчезнувшей ручки исследует пространство под своей кроватью.

Сегодня почтальон принес свежий номер любимого Лехинога журнала «Наука и жизнь», а в нем — кроссворд на сто десять слов. Изголодавшийся по кроссвордным бдениям Леха, не выпуская из рук еще пахнущего типографией журнала, бросился к этажерке, где царил хаос вещей убежденного холостяка, и не обнаружил там своей верной помощницы. Подробный обыск дома и беглый допрос ни в чем не повинных деда и бабушки результатов не дали,

¹ Журнальный вариант.

и Леха с вселенской тоской в глазах поглядывал в окна, за которыми бушевала мартовская выюга, а до ближайшего киоска «Союзпечать», где продавались письменные принадлежности, от нашего переулка 8 марта было без малого полчаса скорого шага.

Когда Леха стал облачаться в зимнее драповое пальто и новую кроличью шапку, чтобы принести себя в жертву пробирающему насквозь холодному ветру и липкому мартовскому снегу, дед внимательно поверх очков посмотрел на меня и вполголоса, совсем не строго произнес:

— Может, вернешь дядьке ручку?

Эх, дед! Ты всегда безошибочно разоблачаешь мои самые запутанные «преступления»! Как бы я ни маскировался, твоя всегда верная дедукция неизменно выводит меня на чистую воду. А я и не отпираюсь, зная, что никакого наказания за мои «злодеяния» не последует.

Вот и сейчас... Ручку, действительно, стащил я! И взял я ее совсем ненадолго и, между прочим, для очень важного дела — чтобы написать письмо Савоське. Укрывшись в маленьком дровянике на заднем дворе, я примостился на толстом чурбаке для колки дров у крохотного мутного окошка и разложил на заранее приготовленной фанерке тетрадный листок в узкую линейку. Стараясь успеть засветло, раз за разом согревая ладошки дыханием, я усердно пытался писать разборчиво и ровно по линейке:

«Здравствуй, дарагой Савоська!

Назначаю тебе встречу. В 5 часов вечера в воскресенье буду ждать в дровянике». На минуту задумался и добавил: «Накапилась многа вапросов». Уже подписавшись «Твой Слава», немного поразмыслил и вывел внизу под посланием: «Передаю поклон от дедушки». И на всякий случай уточнил, еле вместив по нижнему краю листочка: «Василия Федоровича». И это была суцная правда! Как-то, комментируя мои усиленные поиски таинственного Савоськи, дед так и сказал: «Кланяйся ему от меня при встрече». К тому же я был уверен, что этот пароль сработает, так как моего деда, ветерана войны, председателя уличкома, в нашем поселке уважали все.

Точка, завершающая мое душевное послание, получилась в виде маленькой аккуратной дырочки. Я положил ручку на самый верх большущей поленицы, аккуратно сложил исписанный листок вчетверо и засунул его в самую серединку сложенных у стены наколотых поленьев. Завершив эту несложную, заранее продуманную процедуру, я обнаружил, что пишущий прибор бесследно исчез. Какого-либо чуда я в этом не усмотрел и решил, что любимая ручка дяди Леши попросту закатилась в межполенные лабиринты необъятных дровяных штабелей.

Но об этом казусе я никак не мог рассказать ни Лехе, ни бабушке, ни моему верному душеприказчику деду! Ведь послание Савоське было моей сокровенной тайной, даже большей, чем та самая главная военная тайна! Своей мудрой семилетней головой я сразу сообразил, что при поиске ручки в поленице мое письмо будет легко обнаружено до того, как его прочтет Савоська. И тогда тайна перестанет быть тайной. А Савоська, я был уверен, в такие игры не играет.

— Прости меня, Леха, я потерял твою ручку, — это все, что я мог выдать из себя, дернув за рукав уже выходящего на мороз дядьку. Леха меня любил, как и все в этом доме, потому в ответ потрепал своего шкодливого племянника по русой шевелюре и растворился в неистово бушующей снежной свистопляске. Проводив доброго дядю сочувствующим взглядом, я обернулся к сидящему у печи деду. Тот на мгновение отвел глаза от широченного разворота «Красной

звезды» и ободряюще мне улыбнулся. По этой улыбке и с добрым прищуром взгляду поверх очков я понял, что дед точно знает, где и почему исчезла эта злополучная ручка.

— Савоська вернет, ему чужого не надо, — спокойно и уверенно произнес он и продолжил свое увлекательное чтение.

— Опять ты со своим Савоськой! — раздался из кухни звонкий, удивительно молодой голос бабушки. — Не слушай его, внучек! Не знаем, не ведаем мы этого Савоську!

Дед снова улыбается, он никогда не спорит с бабушкой, а я по его честной улыбке в который раз убеждаюсь, что Савоська существует, он не выдуман и живет в дровянике и оберегает нас от разных напастей.

Самые важные вопросы

В воскресенье, как только старинные японские часы на стене в гостиной мелодично пробили пять раз, я пулей вылетел из дому. Уже через мгновение, вооруженный скрупулезно составленным списком вопросов к Савоське, с важным видом профессионального переговорщика восседал на чурбаке для колки дров в нашем маленьком уютном дровянике. Солнце за крохотным окошком клонилось к закату, и в сарайчике, по крышу пропитанном давно полюбившимся мне сухим древесным духом, царила мягкая розоватая полутьма.

Накануне вечером, пока Леха трудился во вторую заводскую смену, я при помощи его новенькой шариковой ручки составил список самых важных вопросов к Савоське. Для этого мне нужно было втиснуть тетрадный листок среди различных радиодеталей, винтиков и гаечек на универсальном столе дяди. Я написал те вопросы, на которые взрослые почему-то отвечали вразнобой, неуверенно, нелепо фантазируя, или просто отмахивались стандартной фразой «подрастешь — поймешь».

Сейчас список, аккуратно сложенный вчетверо, покоился в кармане моего теплого зимнего пальтишка, чтобы во время важной двусторонней встречи выступить в качестве подсказки-выручалки, если я вдруг в волнении что-то забуду. В ожидании Савоськи я несколько раз доставал шпаргалку и внимательно по пунктам перечитывал:

- «1. Для чего мы живем?
2. Почему небо галубое?
3. Почему облака не падают на землю?
4. Что такое время?
5. Почему чиловек умирает?»

Вдруг вспомнил еще об одном важном-преважном вопросе. Стремглав выскочил из дровяника, разгоряченный, вбежал в дом, одновременно двумя ногами выпрыгнул из валенок и, пролетев мимо деда, смотревшего по телику новости, ворвался в Лехину комнату. Схватил с этажерки ручку и, затаив дыхание, вывел на вновь развернутом листке: «Зачем мама и папа ссорются?»

Я был уверен, что Савоська знает ответы на эти очень важные вопросы и уж точно просветит меня, ответив бесхитростно, откровенно и обстоятельно. Конечно, были сомнения насчет последнего пункта в моем вопроснике, но уж очень я хотел, чтобы мама и папа не ссорились.

Елена БЕЛЬСКАЯ

УЖ СКОЛЬКО ЛЕТ Я РАДА ФЕВРАЛЯМ...

* * *

К эфемерности жизни привыкнуть пора,
Мы ведь сами себя забиваем в шаблоны.
Видим лед, но себе говорим, что вода,
Превращаясь в безликие, скучные клоны.

И спешим все куда-то, боясь опоздать, —
Нет ни сил, ни желания остановиться,
Оглянуться, увидеть, понять и принять:
Вот он — мир! Он — такой! В него можно влюбиться!

* * *

Уж сколько лет я рада феврялям...
И заспанным, и в чем-то слезно-пухлым.
То в снежно-льдинном звоне хрустя,
То солнечным, то пасмурным и тусклым.

И тем, что колокольчиком звенят
На бубенцах задорной белой тройки.
И тем, что бьют отчаянно в набат
И пахнут терпко-горькою настойкой.

А мне все ближе к вечным берегам.
И мера там не километры — время.
Но нету счета выросшим стихам,
Моим грудным — в них зарастает темя.

«Не жги мосты!» — как мудрость мне дано
От мамы прозвучавшими словами.

Сергей КЛИМКОВИЧ

ТРИ ИСТОРИИ ЛЮБВИ

Рассказы

РАЗБЕЖАЛИСЬ

Бежать легко. Для Андрея бег всегда был желаннее ходьбы. И в работе, и в жизни. Скорее, скорее, всегда скорее... В ногах упругая, неиссякаемая сила. Он чувствовал ее и наслаждался. Жена Валентина отстала, как всегда, на первых же минутах, не в силах придерживаться его ритма. Но она упрямая, догонит.

Стук сердца ровный и сильный. В тридцать семь лет у многих его сверстников куча проблем со здоровьем, с нервами и головой. Все потому, что жалеют себя. А себя жалеть не надо...

Он чуть сбавил темп и оглянулся. Жена упрямой трусцой семенила по изгибу канала, не пугая даже уток, оставшихся зимовать. Лишь недавно Андрей уговорил ее бегать вместе, но было очевидно, что ей это скоро наскучит. Найдет чем оправдаться. Однако пока держится.

Валентина помахала ему рукой — беги, беги, мол, не жди... Андрей покачал головой и крикнул: «Давай! Давай!»

Когда же из стройной девушки Вали получилась Валентина? Отыскать в памяти этот момент он не мог. Первые годы они пахали как сумасшедшие — дружно и ладно впряглись в бизнес и тащили вместе весь его груз. Валя была старше его на три года, знала бухгалтерию, многих нужных людей и обладала чутьем. Андрею нравился тот сумасшедший ритм, в котором они жили тогда, поднимая свое дело. А потом появились близнецы. Жена пробовала жить бизнесом и домом одновременно, но не смогла. Потребовала дом за городом и покой. А там пельмешки, блинчики, пирожки, котлетки, сериалы бесконечные...

Андрей ее не винил. Валентина хотела такой жизни. А он бежал дальше. Одна стройка, вторая... Крупные подряды, солидные контракты, командировки, учеба — этот бег ему нравился. Андрею нравился риск, что-то новое... Всегда новое. Валентина же застряла на кулинарных сайтах и книгах Донцовой. Теперь она жила интересами подрастающих сыновей и не хотела слишком пристально вглядываться в зеркало. Иногда за ужином Андрей ловил себя на мысли, что не понимает, о чем она говорит, как будто жена освоила новый язык. Он изучающе рассматривал полное румяное лицо под перманентной завивкой, которая ей совсем не шла, и лишь отчасти узнавал в этом образе прежнюю

Валентину — легкую на подъем, решительную и быструю. Теперь она разваливалась на диване перед большим телевизором в гостиной и погружалась в историю очередной бедной Лизы.

Мать Валентины была феерической по горделивой дурковатости женщиной. Ее взбалмошный и непредсказуемый характер при посредстве ума мог бы помочь ей достичь весьма многого в этой жизни. Возможно, ее бы уважали. Но умом теща не блистала. Это был совершенно шукшинский тип. Более того, она и попала в творческую биографию писателя именно из-за своей глупости, так поразившей его, так горько озадачившей. Конфликт у тещеньки с Шукшиным произошел в конце 1973 года. Она утверждала, что тогда работала вахтершей в клинике 1-го мединститута имени Сеченова. Нина Ивановна не пропустила к Шукшину, лечившемуся там, жену и детей. Это было самодурство маленькой, гаденькой, злобно-надменной души, проистекавшее из воинственного безнакаженного хамства, которым были больны многие и многие люди в те годы.

«Ну и что, что ты вроде как знаменитость, — так начиналось логическое построение их мысли, — рассыпаться мне тут перед тобой жемчугом, что ли? Вот чем ты лучше меня? А вот возьму и побольнее ударю. За что? А мне так захотелось! И чтобы не думал про себя много!»

Нина Ивановна слышала о Шукшине и, заступив на вахту на проходной клиники, из болезненной беспринципности, не основанной ни на чем, кроме как на вдруг возникшей антипатии, устроила безобразный, совершенно гадостный скандал. Причем дважды. Второй раз она не пропустила к нему двух друзей, приехавших его навестить. Это при том, что Шукшин заранее позаботился о пропусках для них. Нина Ивановна, выкаркивая из себя ядовитый старческий смех, с гордостью вспоминала, как сказала им, «этим выфертам»: «Пропуск здесь — я!» Именно из-за нее взбешенный Шукшин, покинув больницу в пижаме и тапочках, отправился домой на такси.

И такой человек мог сломить любого своей непредсказуемостью и упрямым кретинизмом. Но напоролась на характер дочери. И сломалась. Никто ее не мог заставить делать что-либо, кроме Валентины. Дочь знала секрет: на хамство отвечать тройным хамством, на придурь — тройной придурью. Да и годы взяли свое.

Иногда Андрей думал, что надо было бы пристальнее присмотреться к Валентине сразу после знакомства с ее матерью...

Их брак в большей или меньшей степени походил на договор. Удобный для обоих. На что мог рассчитывать двадцатилетний парень, который всю жизнь провел в детдоме? Так многого ему хотелось в то время! Свобода, институт, общага и любимая угловая комната в страшненьких обоях. Были вино, прогулки с компанией по ночному городу, макароны по-флотски в три часа ночи, дикая зубрежка и мандраж перед сессиями — норма студенческой жизни. Нормаль и безумие, потому что были и дикие пьянки, и разбитые окна в общежитии, и яростная потасовка с нарядом милиции. Потом «обезьянник», приказ об отчислении...

Квартирку, положенную Андрею по закону, чиновники зажилили. Вручили на его восемнадцатилетие ключики от комнаты в коммунальном клоповнике, которую тот сдавал до того, как его выперли из институтской общаги. Денег хватало только «на прожить». Тут и подвернулась Валентина — шустрая, обортистая, веселая хабалка, чем-то торговавшая.

В те дерзкие годы он оказался в маленькой квартире Валентины, жившей тогда с матерью — злобной старухой, постепенно впадавшей в маразм. Валентина всегда знала, чего хочет от жизни и окружающих. И всегда получала то,

что хотела. Молоденький, жгуче-красивый Андрей был, конечно, раздолбаем и кобелюкой, каких свет не видывал. Но она не боялась трудностей. Устроила его в свой маленький магазинчик строительных материалов и в свою постель. Андрей остался.

Свадьбу сыграли скромно. Дальше была работа. Много работы. Вскоре они стали обладателями двухкомнатной квартиры и кучи долгов. Валентина в самом деле разглядела в нем упорного трудягу, на которого всегда можно положиться. В красавце-жеребце прятался настоящий першерон. Хотя его патологическая честность в бизнесе всегда раздражала ее. «Не надуришь — не пожрешь!» — любила повторять она.

Исподволь, потихоньку Валентина приручала его — настаивала там, где нельзя было иначе, отступала перед ним, когда видела признаки бунта и мужской воли, которую решались давить только глупые бабы, желавшие не удовольствий, а проблем. Удила полезны, но нельзя слишком часто показывать их мужчине. Особенно такому, как Андрей. Однако неправильно было бы предоставить мужчине самому себе, делая из него мини-самодержца. Абсолютная власть — штука ядовитая.

Андрей иногда с внутренней иронией наблюдал за Валентиной. Как тот кот, который позволяет людям кормить себя и баловать, взамен удостаивая их своим обществом. Впрочем, не понимая до конца сути заключенного с людьми соглашения. Потому что это неважно. Важна лишь жизнь и все способы наслаждения ею. А Валентина умела жить с выгодой для себя. И его научила.

Валентина действительно не была глупой женщиной, как ее мать. Но Андрей не мог припомнить ни одной спокойной минуты рядом с ней. Словно она каждое мгновение проверяла: поддашься или нет, покоришься или будешь брыкаться? Эта борьба характеров не имела границ ни дома, ни в бизнесе.

Андрей многое помнил. Первые годы с Валентиной пролетели в любовных схватках и в работе. То была кочевая жизнь по вокзалам и гнусное базарное житье, требовавшее алмазной уверенности в себе и в том, кто рядом. На жену можно было положиться. Она не пряталась по-бабски за спину, не тушевалась и могла кинуться даже в ножевую свалку молча, сцепив зубы, забыв себя. Но ее почему-то трудно было любить.

Между мужем и женой так много обоюдного. В первые месяцы выясняется почти все. Человек, желающий что-то скрыть, должен быть готов контролировать себя и в словах, и в поступках. А это почти невозможно. Он знал ее привычки, ее словечки, ее реакцию на ту или иную ситуацию. Знал, какой кофе она любит, какие цвета предпочитает в одежде. Знал, что она орет на сыновей, не находя других способов воспитания, и знал, какими словами...

«Постыло» — забытое и много объясняющее слово. Некая первая трещинка появилась еще в эпоху романтических ухаживаний за Валентиной. Андрей в порыве бескорыстной нежности предложил ей массаж ступней. Валентина сначала отнекивалась, однако все же согласилась. Он зажег свечи, приготовил ароматическую ванночку и крем для массажа. Валентина приняла игру, похихатывая интимно и строя из себя королеву вечера. А потом, усталая и удовлетворенная, вылила на него ушат холодной воды: «Все это очень мило, Андрей, но я не люблю мужчин на коленях. Вот такая у меня фишка». У Валентины было много подобных занятных «фишек», которые она вытаскивала и бросала на игровое поле их жизни с фатовством и затаенным желанием зачем-то поддеть его или испытать границу его терпения.

... Когда Андрей остановился, чтобы отжаться, Валентина притопала с охами и упала на скамейку рядом.

«Проза — это постоянное размышление»

Интервью с Олегом Жданом-Пушкиным

На 4 курсе филологического факультета я выбирала тему для дипломной работы. И по совету моего научного руководителя, доцента кафедры русской литературы БГУ Татьяны Петровны Сидоровой обратилась к произведениям писателя Олега Ждана-Пушкина, известного и современной, и исторической прозой. По сценариям Олега Алексеевича сняты фильмы, поставлены спектакли. Мое знакомство с прозой Олега Ждана-Пушкина началось со сборника повестей и рассказов «Гений» — историй о современниках и о людях из недавнего прошлого. Потом меня заинтересовала биография автора. Почитав ее варианты в интернете, поняла: остается много вопросов и без разговора с автором не обойтись...

— **Мой первый вопрос традиционный: как вы пришли в литературу?**

— Обыкновенным путем: мне всегда хотелось стать писателем, писать. Наверное, уже со школьных лет. У меня мать была учительницей русского языка и литературы. Следовательно, эта тема в доме присутствовала постоянно. Мама была довольно строгой женщиной. Преподавала, в том числе и в моих классах. И никогда не ставила мне высоких оценок. Было немного обидно. Но однажды я написал сочинение, помнится, по «Слову о полку Игореве», и она... Моя настоящая фамилия Пушкин, вы же знаете?

— **Да, я знаю.**

— Вот она сказала: «Пушкин будет со временем писать хорошие сочинения». Но все же поставила мне четверку. Где-то в старших классах школы мне захотелось что-то такое попробовать написать. И я пробовал. Естественно, это были детские попытки. Но были и серьезные. Я вам, пожалуй, расскажу. Эта история немножко странная.

Когда я окончил школу, возник вопрос, куда поступать. В это время в наш город, в Мстиславль, приехали два парня. Один учился в Горном институте. И у него была очень красивая форма. А второй учился в Ленинграде, в Институте водного транспорта. У него тоже была такая военизированная форма, но менее красивая. Я решил, что в горный не попаду, поехал поступать в Институт водного транспорта и поступил. И вот тут началось нечто странное. Поначалу я ходил на лекции, записывал все, как и другие студенты. Но где-то в октябре, через полтора-два месяца после начала занятий, меня осенила идея написать роман. И я начал его писать. Перестал ходить на лекции. Писал с утра до вечера. Это был 1954 год. Как раз недавно выпустили заключенных из тюрем — и уголовников, и политических. Несколько таких человек появились и в Мстиславле. Уголовники вели себя агрессивно, политические — сдержанно. Про политических я и взялся писать. Накупил школьных тетрадей и в них написал за два месяца роман, получилась большая стопка. Решил его послать в ленинградский журнал «Звезда». Пришел на почту, чтобы отправить бандеролью, но мне ответили, что бандероли такого объема не принимают. Нужно посылкой отправить. Я купил фанерную посылку, ящик, упаковал роман, отправил в редакцию и стал ждать. Ждать славы и денег.

Микола ШАБОВИЧ

ТАК БЫСТРО ПРОНОСЯТСЯ ВЕСНЫ...

Микола Шабович — многогранный и талантливый поэт и переводчик, светлый романтик нашего времени. Он был гражданином своей страны, патриотом, философом и тонким лириком. А также добрым другом и наставником для многих литераторов. Не сомневаюсь: его творческое наследие — важный вклад в сокровищницу белорусской литературы. Его проникновенная лирика тронула меня. И возникло желание попробовать себя в переводе. А само общение с ним стало для меня бесценным уроком. И я благодарна судьбе за это.

Алина Легостаева

* * *

Подари мне сказку молодого лета,
Подари мне сказку, мило улыбнись.
Хоть весна метелит, верю беззаветно,
Что придут и наши золотые дни.

Подари мне сказку — ведь другим дарила,
О, моя Снегурка, я тобой пленен.
Встрепенется сердце птицей легкокрылой,
Будто я, как прежде, молод и влюблен.

А душа тобою день и ночь согрета,
Ты одна мне солнце, ласковость зари.
Подари мне сказку молодого лета,
Как давно когда-то, слышишь, подари.

* * *

Оставайся земной такой,
Как в саду молодая вишня.
Растревожь мой ночной покой,
И — «люблю» — прошепчи чуть слышно.

Владимир КОРОТКЕВИЧ

Славянин

Быль

При подготовке Собрания сочинений Владимира Короткевича в 25 томах обнаружено значительное количество неопубликованных произведений. Среди них имеется рассказ (быль) «Славянин», датированный 11 мая 1960 г. и по различным причинам не предложенный автором к печати. Машинопись находится в отделе редких книг и рукописей Центральной научной библиотеки им. Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси, фонд 11, опись 2, единица хранения 178.

В год 80-летия освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков предлагаем вниманию читателей данное произведение, написанное, скорее всего, на основе реального повествования участника — мальчика, случайно ставшего свидетелем несгибаемой воли, мужества и патриотизма простых белорусских ребят, пожертвовавших собой ради жизни и свободы не только конкретной деревни и отступающих партизан, но и всей Беларуси и ее народа.

В «были» сделаны некоторые авторские и редакторские сокращения. Публикуется впервые.

Петр Жолнерович

Это был разгром.

В августе сорок второго немцы кинули все свои силы на чистку лесов.

Деревня со стыдливым и прекрасным названием Заря была центром партизанской земли. На нее был направлен главный удар: две дивизии при танках и артиллерии.

Партизанская бригада, истекая кровью в неравном многодневном бою, отступала, оставляя деревню врагу.

Далеко за околицей слышалось ржание коней, скрип телег. Голосили бабы.

Белоголовый мальчонка выбежал из коноплей на улицу деревни и остановился в безмолвном удивлении: деревня была не совсем пустой.

У ближайшего дома метался сосед Сидор Корзно, который охапками таскал солому в разинутую пасть дверей. Баба хватала его за руки.

— Нишкни! — бешено орал Сидор. — Хату только что пересыпал... барахлишко... Пропади оно пропадом... Пали!

Облил солому смолой.

Струя черного смоляного дыма вскоре смешалась с белесым, веселым дымом соломы.

Сидор метнулся к хлеву, щеря зубастый рот.

Баба уже не плакала. С окаменевшим лицом, она сосредоточенно, будто дело делала, разбивала топором колыбель, оставленную посреди двора.

Мальчонке показалось, что они сошли с ума, и он опрометью бросился бежать улицей села.

Деревня молчала. Не ревели коровы, не доносились из хат детские голоса.

Дмитрий ДАВИДОВСКИЙ

Владимир Дубовка в Брюсовском институте

Летом 2014 года я получил копии документов из фондов Российского государственного архива литературы и искусства (Москва) — фонда Высшего литературно-художественного института им. В. Я. Брюсова¹ и фонда советского прозаика Степана Злобина². Но вряд ли читатель легко, по одним только фондам, сможет угадать, с именем какого классика белорусской литературы связаны эти архивные поиски. Меж тем в этих архивах были обнаружены документы, связанные с биографией Владимира Дубовки, а конкретно — с периодом его учебы в Высшем литературно-художественном институте имени В. Я. Брюсова.

Высший литературно-художественный институт был основан в Москве весной 1921 года. Основателем и первым ректором стал Валерий Брюсов. После смерти поэта его имя было присвоено институту, а в разговорной речи название учебного заведения часто сокращают до лаконичного — Брюсовский институт. Несколько слов о том, что собой представлял Высший литературно-художественный институт. Это был первый институт в СССР, который начал готовить писателей на профессиональной основе. Курс был рассчитан на три года. Основатель института и бессменный ректор Валерий Брюсов поражал разнообразием педагогических талантов. Среди предметов, которые он преподавал: энциклопедия стиха, древнегреческая литература, история римской литературы, латинский язык в связи с общим языкознанием, семинарий по всеобщей истории.

Нужно отметить, студенты с большим удовольствием ходили на лекции преподавателей, среди которых они особенно выделяли Валерия Брюсова и Анатолия Луначарского. Брюсов умел захватить внимание слушателей, оставаясь при этом очень содержательным, а Луначарский часто превращал занятия в диспуты.

Об отношении студентов свидетельствует и такой факт: когда Валерий Брюсов умер от воспаления легких, во время траурной процессии студенты несли

¹ Ф. 596, оп. 1, ед. хран. 314.

² Ф. 2175, оп. 5, ед. хран. 101.

гроб с телом любимого учителя на руках — от стен института до Новодевичьего кладбища, время от времени сменяя друг друга.

Прощание с Брюсовым в итоге оказалось прощанием и с институтом. В 1925 году чиновники попробовали перевести учебное заведение в Ленинград, но из сорока преподавателей на переезд согласились только двое. И 15 июня 1925 года коллегия Главного управления профессионального просвещения приняла решение: «Ввиду выяснившейся невозможности перевода ВЛХИ в Ленинград считать его ликвидированным». Но именно существование Брюсовского института стало тем фундаментом, на котором в 1933 году был открыт Литературный институт имени А. М. Горького, который работает и сегодня.

Владимир Дубовка поступает в Брюсовский институт в 1921 году, а в 1925-м получает диплом о его окончании. Что же известно из документов об этом периоде жизни классика? Личное дело поэта позволяет отметить, что Дубовка учился вдохновенно, старательно.

Ниже вы найдете документы из личного дела Владимира Дубовки. Они проясняют некоторые неизвестные или малоизвестные страницы биографии классика.

Обращу внимание на отсутствующие фамилии членов правления Высшего литературно-художественного института — дело шло к закрытию учебного заведения.

Сделаю акцент на некоторых особенностях документов, чтобы читателям легче было с ними знакомиться. Вы наверняка заметите, что у Дубовки в русском тексте часто встречаются «і», «ў», апостроф, подпись «Ў. (В). Дубоўка». Это, конечно же, особенности билингвального сознания писателя. И свидетельство того, что основным языком для него оставался белорусский. Кстати, следует отдать должное Валерию Брюсову и педагогическому коллективу института, которые с пониманием относились к таким мелочам и которых в большей степени интересовало, как Владимир Дубовка усваивает институтскую программу. А он хорошо успевал по всем предметам и даже находил время на дополнительные. Среди них: латинский язык, логика и психология, физика, химия, биология, капитализм и пролетарская революция.

Теперь немного об оценках. В экзаменационных листах поэта стоят «удовл.» («у») и «всем. удовл.» («в. у.»). В Брюсовском институте была принята система оценок, где 4 значило «удовлетворительно», а 5 — «всемерно удовлетворительно».

Ниже читатели могут познакомиться с некоторыми документами из архива Брюсовского института.

Копия аттестата из личного дела Владимира Дубовки³

АТТЕСТАТ

От педагогического совета Ново-Вилейской учительской семинарии дан этот аттестат воспитаннику семинарии ДУБОВКО Владимиру в том, что он ДУБОВКО Владимир, окончив курс учения в учительской семинарии при отличном поведении, оказал успехи:

В законе божьем

удовлетвор. (3)

Педагогике

хорошие (4)

³ Ф. 596, оп. 1, ед. хран. 314.

Русском, церковно-славянском языке и истории русской литературы	хорошие (4)
Арифметике и алгебре	хорошие (4)
Геометрии и тригонометрии	удовлетвор. (3)
Истории и законоведении	хорошие (4)
Географии и космографии	хорошие (4)
Естествоведении и сел. хоз.	удовлетвор. (3)
Физике	удовлетвор. (3)
Чистописании	хорошие (4)
Рисовании и черчении	отличные (5)
Пении	удовлетвор. (3)
Практических занятиях и преподавании	хорошие (4)

Сверх того обучался гимнастике, гигиене, латинскому и немецкому языкам. Вследствии сего он, ДУБОВКО Владимир, удостоивается звания учителя начального училища и при поступлении на означенную должность имеет пользоваться всеми правами, той должности присвоенными.

Во время своего пребывания в семинарии воспитанник ДУБОВКО Владимир получил 717 р. 16 к. и — р. — к. земской стипендии.

Гор. Невель февраля 23/10 дня 1918 года

Председатель Педагогического Совета,
директор семинарии

(К. Ушаков)

Члены Педагогического Совета

Свящ. (А. Счеснович)
(С. Вигилев)
(Л. Жильчик)
(А. Шяхлевич)
(Сильницкий)
(Ив. Рейнский)
(П. Окборцев)

Сопроводительное письмо из личного дела Владимира Дубовки¹

Белорусская Советская Социалистическая республика
Представительство Республик в РСФСР
«18» Ноября «1921 г. »

№ 1801

г. Москва

М. Никитская, 18

Литературные проблемы в эпистолярном жанре

Переписка Ивана Шамякина

Переписку можно считать таким же равноправным жанром в литературном процессе, как роман, поэму, повесть, рассказ. Письма подсвечивают литературный процесс и бытовой уклад писателя, помогают лучше понять, как создавалось то или иное произведение, как шел процесс подготовки и издания книги. В этой подборке мы собрали письма переводчиков, писателей, редакторов и издателей к народному писателю Беларуси Ивану Шамякину, которые хранятся в личном архиве семьи. Надеемся, что эпистолярий поможет читателям лучше узнать Ивана Шамякина как писателя, человека, общественного деятеля.

1

И. Сергеева — Ивану Шамякину

13 августа 1973 года

Дорогой Иван Петрович!

Сергей Алексеевич, который сейчас, сразу после операции, не может написать Вам, передал мне Ваше письмо и я, во-первых, приветствую Вас от его и своего имени, а во-вторых, заранее радуюсь тому произведению, которое Вы для нас пишете. Ждем с удовольствием.

Надеюсь, дорогой Иван Петрович, Вы, несмотря на сильную занятость, здоровы и благополучны. Большой привет Вам от Людмилы Михайловны Шиловцевой и от всего отдела прозы.

Ваша И. Сергеева

Сергеева И. (? — ?) — сотрудница журнала «Дружба народов».

Сергей Алексеевич... — Баруздин Сергей Алексеевич (1926—1991) — русский советский писатель и поэт, редактор. В 1966—1991 гг. — главный редактор журнала «Дружба народов».

... тому произведению, которое Вы для нас пишете. — В 1974 г. в журнале «Дружба народов» №№ 11, 12 был опубликован роман «Атланты и кариатиды» (перевод на русский язык Арсения Островского).

... Людмилы Михайловны Шиловцевой... — Шиловцева Людмила Михайловна (?—?) — ответственный секретарь журнала «Дружба народов».

2

Виталий Озеров — Ивану Шамякину

27 февраля 1974 года

Дорогой Иван Петрович!

Только сейчас мне довелось прочитать в «Роман-газете» Ваш роман «Снежные зимы». Должен сказать, это очень интересное произведение, привлекающее и отлично написанными страницами и новым взглядом на главного героя — коммуниста, показанного не только в деле, но и в мыслях, чувствах, силе и слабости своей человеческой натуры.

МОЗГО Владимир Минович. Родился в 1959 году в городском поселке Зельва Гродненской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик, публицист. Автор двух десятков книг поэзии и детской литературы. Лауреат премии Федерации профсоюзов Беларуси и Республиканского литературного конкурса «Золотой Купидон». Живет в Минске.

БАШЛАКОВ Михась (Михаил Захарович). Родился в 1951 году в поселке Станция Терюха Гомельского района Гомельской области. Окончил историко-филологический факультет Гомельского государственного университета. Автор ряда книг поэзии. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь, литературной премии Бояна (Россия). Живет в Минске.

КАЛУЖЕНИНА Лариса Анатольевна. Родилась в 1953 году в городе Тбилиси (Грузия). Окончила Минский государственный лингвистический университет. Прозаик. Автор книги «Приключения кота Зеленкина, попугая Мартинеса и всей честной компании. Народный лубок для взрослых». Живет в Минске.

БАРАНОВ Алексей Игоревич. Родился в 1987 году в городе Дзержинске Минской области. Окончил факультет традиционной белорусской культуры и современного искусства Белорусского государственного университета культуры и искусств. Поэт. Живет в Дзержинске.

РЕМЕНЧИК Вячеслав Евгеньевич. Родился в 1955 году в городе Бобруйске Могилевской области. Окончил Бобруйское художественное училище, факультет культурно-просветительной работы Львовского высшего военно-политического училища, факультет международных отношений Института государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Поэт, прозаик. Член Союза писателей Беларуси. Живет в Минске.

БЕЛЬСКАЯ Елена Владимировна. Родилась в 1970 году в городе Молодечно Минской области. Окончила Витебский государственный технологический университет по специальности «инженер-технолог» и Академию управления при Президенте Республики Беларусь по специальности «экономист-менеджер». Поэт. Живет в Молодечно.

КЛИМКОВИЧ Сергей Владимирович. Родился в 1972 году в городе Борисове Минской области. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор около 50 книг для детей и взрослых. Лауреат Национальной литературной премии Республики Беларусь и других литературных премий и конкурсов. Живет в Минске.

ШАБОВИЧ Микола (Николай Викторович). Родился в 1959 году в деревне Бадени Мядельского района Минской области. Окончил Минский государственный педагогический институт имени А. М. Горького. Кандидат филологических наук. Поэт, переводчик. Автор ряда поэтических книг. Умер в ноябре 2021 года.